Смерть этажом ниже

Автор:
Кир Булычев

Смерть этажом ниже

Кир Булычев

Кир Булычев

Смерть этажом ниже

Часть первая. ДО ПОЛУНОЧИ

Самолет приземлился на рассвете. Пассажиры переминались возле трапа, ежились после прерванного уютного сна. Снег был синим, небо синим, аэродромные огни желтыми. Потом вереницей пошли к аэропорту. Синий снег обрывался у навеса, где многие останавливались в ожидании багажа. Там было натоптано и грязно. Встречающих почти не было. Но Шубина встречали. Председатель городского общества «Знание», который представился Николайчиком Федором Семеновичем, сразу принялся упрекать Шубина в опоздании самолета. «На сорок минут!» – сказал он так, словно Шубин притормаживал самолет в воздухе. С ним была темноглазая молодая женщина в кепке и куртке из искусственной кожи. Она оказалась шофером, ее звали Элей.

Серый «Москвич» общества «Знание» стоял на пустынной синей площади. Дверь замерзла и не открывалась. Николайчик сказал, что сойдет по пути, в новом районе, где получил двухкомнатную квартиру. Там удачная роза ветров. Когда сели в промерзшую машину, Николайчик вытащил мятую бумажку и принялся, не заглядывая в нее,да и что он мог бы разглядеть в темноте, рассказывать, где

и когда Шубину выступать. Особенно он подчеркивал, что устроил две публичные лекции.

– Мы вам, конечно, не сможем заплатить как Хазанову, но народ у нас интересуется.

У Николайчика был профиль индейца майя, нарушенный сивыми обвислыми усами, каких индейцы не майя не носили. Машина ехала по обледенелому шоссе между черных зубчатых еловых стен. Шубина потянуло в сон, и он приблизил щеку к окошку. Стекло не доставало до верха, и оттуда дуло. Ветер был нечист, словно близко была помойка.

– Это вы по телевизору на той неделе выступали? – спросила Эля. – Я вашу фамилию запомнила.

– Это факт повысит посещаемость, – сказал Николайчик. – а то у нас теперь больше интересуются внутренними проблемами, экологией, реформой цен, вы сами понимаете.

Лес кончился, и за пустырем, по которому были разбросаны какие-то склады, начался длинный бетонный заводской забор. Трубы завода, как колонны разрушенного веками античного храма,курились разноцветными дымами.

За заводом пошел жилой район, пятиэтажный и тоскливый. Равномерно поставленные среди пятиэтажек девятиэтажные башни только подчеркивали тоску. На автобусной остановке томились темные фигуры.

– я с вами прощаюсь, – сказал Николайчик. – В десять двадцать буду звонить вам в номер. Отдыхайте.

– Спасибо, что вы меня встретили.

– Это наш долг. Мы всех встречаем, – сказал Николайчик, открывая дверь со своей стороны. – Независимо от ранга и значения.

Шубин заподозрил, что его ранг и значение недостаточны.

– А мне когда за вами? – спросила Эля.

– Как всегда, – сказал Николайчик.

Они поехали дальше. Эля сказала:

– Как всегда – это еще ничего не значит.

Стандартные дома кончились. Машина ехала по длинной улице одноэтажных домов. Когда-то город был небольшим и эти дома опоясывали его каменный двухэтажный центр. На перекрестке долго стояли перед красным светом.

– А вы Сергиенко не знаете? – спросила Эля. – Он к нам в том месяце приезжал.

– А что он делает?

– Он химик, – сказала Эля. – Экологией занимается. Столько вопросов было, вы не представляете, до часу ночи не отпускали. Силантьев потом нашего Николайчика вызвал,чтобы больше таких не приглашать.

– А чем он Силантьеву не угодил?

– У нас комитет, – сказала Эля. – За экологию. С биокормом борются и химзаводом. Они всюду выступают.

– Ясно, – сказал Шубин.

– Я хотела пойти на митинг, но Николайчик узнал и отказал. Ему тогда квартиру обещали, он опасался, что в его коллективе будут диссиденты.

– У вас здесь строго.

– Гронский, Николаев и Силантьев – большая тройка, – сказала Эля. – Куда Силантьеву деваться? Городские деньги от комбината идут. Или от химзавода. Кто даст. Это и ежу понятно.

Они добрались до центра города. Некогда унылая, но логичная двухэтажных каменных домов, разбежавшихся затем площадью с собором и украшенными колоннами могучими присутственным зданием, была нарушена вклинившимися блочными башнями и стеклянной бездарностью нового универмага.

– В соборе склад? – спросил Шубин.

– Нет, что вы! Там кино, а скоро филармонии отдадут. Там такая акустика, вы не представляете.

Когда повернули на вокзальную площадь, где стояла гостиница «Советская», уже совсем рассвело и на площади было людно.

– Вы к нам летом приезжайте, у нас зелень, многим нравится,

– сказала Эля.

Вокзальные площади редко бывают привлекательны, а ноябрьское замороженное утро, черные кости деревьев в привокзальном сквере, само здание вокзала, построенное, видно, после войны в попытке совместить идеалы классицизма и оптимизм эпохи, но давно не крашенное, панельные корпуса, ограждающие грязно-снежное пространство под прямым углом к длинному вокзальному фасаду и завершение площади – типовая гостиница в пять этажей – весь этот комплекс провинциальной обыденности привел Шубина в то состояние духа, которое вызывает раздражение, направленное против самого себя. и что меня сюда принесло? Три сотни, которые заработаю лекциями, или нежелание спорить с московским обществом «Знание», обещавшим в лице деловой Ниночки Георгиевны в благодарность за плановый визит сюда замечательную поездку весной по Прибалтике?

Эля сказала:

– Вы идите, я машину запру и догоню.

– У вас всегда так пахнет? – спросил Шубин.

– Мы привыкли. Большая химия.

Шубин поднялся по пяти скользким ступеням к стеклянным дверям и с непривычки ткнулся по очереди и безрезультатно в правую и среднюю, прежде чем левая дверь поддалась. В вестибюле, на стуле у двери, дремал старик с красной повязкой Он не проснулся, когда Шубин прошел мимо. На деревянных скамейках дремали те, кому не досталось места в гостинице. Администратора не было, но пришла Эля, она не боялась разбудить вся гостиницу и принялась громко спрашивать:

– Эй, кто здесь живой? Принимайте гостя.

Кто-то проснулся на скамейке и сказал:

– Мест нет.

Администраторша вышла откуда-то сбоку. Она была так недовольна приходом Шубина, что даже не стала разговаривать. Помахала рукой над стойкой, и Эля сказала:

– У вас есть паспорт?

Шубин достал паспорт, и администраторша стала искать бронь. Шубину было неловко перед теми, кто проснулся на скамейках и недоброжелательно глядел ему в спину, но и страшно, что администраторша сейчас не найдет его брони и придется сидеть в этом холле, на краю скамейки, ожидая, пока Николайчик с началом рабочего дня восстановит справедливость и авторитет общества «Знание». Но бронь нашлась.

Пока Шубин заполнял анкету, гостиница начала просыпаться. Кто-то подошел к стойке, чтобы быть ближе к администраторше и напомнить о себе, худой офицерик с большой женой и двумя детьми спорил с дежурным у входа, который однообразно говорил:

– Мест нет, мест нет, мест нет.

По лестнице спускались три деловых кавказца в кожаных пальто и ондатровых шапках. Они перебрасывались быстрыми фразами, начиная каждую со слова «ара»!

Эля сказала:

– Ну вот и устроились. Я сегодня на вашу лекцию обязательно приду.

Только тут, в освещенном вестибюле, Шубин увидел, как она молода. Глаза карие, раскосые, губы очень розовые. Когда она говорила, видна была золотая коронка.

Эля протянула Шубину руку, пальцы у нее были длинные, ладонь сухая и гладкая, а тыльная ее сторона шершавая, как у человека, которому приходится работать руками на холоде.

– Вы отдыхайте, – сказала она. – В десять он не позвонит. До двенадцати проспит. Да я ему машину раньше и не подам. Мне же тоже поспать надо. Я из-за вас не ложилась.

Сказано это было без укора, и Шубин не почувствовал вины.

– Спасибо, – сказал он. – Значит, у меня пять часов.

– Как минимум, – улыбнулась Эля.

Потом вспомнила, подбежала к стойке и спросила:

– Горячая вода есть? Гость-то у нас из Москвы.

– Есть, есть, – сказала администраторша. – Мойтесь.

Шубин поднялся на третий этаж. Дежурная по этажу спала на диване, накрывшись пальто. Пришлось ее разбудить, потому что ключ был у нее. Дежурная сказала:

– Ничего, не извиняйтесь. Все равно вставать пора. Вы надолго?

– На три дня.

Номер был маленький. Шубину показалось, что он в нем уже жил. Действительно, он жил во многих точно таких же номерах других стандартных гостиниц.

Раздевшись и обозрев свой новый дом, Шубин вернулся к дежурной по этажу. Та уже не спала, разговаривала с горничной о печенке, которую завезли во второй магазин. Шубин сказал:

– Простите, но мне забыли дать мыло и туалетную бумагу.

– Вы что? – дежурная была даже обижена. – У нас второй год этого нету.

– Но как можно? Даже в районных гостиницах…

– Не дают! Вы пишите, а то такие, как вы, ко мне с претензиями, а как уедут, забывают.

– Но, может, быть купить?

– Нету у меня.

– Хотите, я дам кусочек? – сказала горничная. – У меня один оставил в номере. Если не брезгуете?

– Спасибо.

Шубин пустил в ванной воду. Вода была теплой и сильно пахла сероводородом. Хотя, может, и не сероводородом, а чем-то схожим.

Вымывшись, Шубин лег спать, но проспал недолго. Проснулся вскоре от духоты, открыл фрамугу, и комната наполнилась шумом вокзальной площади. Стало холодно. Шубин укрылся с головой. Ему казалось, что он никогда не уснет, но он все же уснул и проснулся от того, что звонил телефон. Шубин вскочил, спросонья промахнулся мимо трубки, потом рванул телефон на себя, шнур был очень короткий, телефон рванулся из руки и упал на пол. Но не разъединился.

Сидя на корточках, Шубин поднес трубку к уху.

– Доброе утро, – послышался унылый голос Николайчика. – Как вы отдыхаете?

– Спасибо, – сказал Шубин. – Я спал.

– Можете продолжать, – сказал Николайчик. В два за вами будет машина. Серый «Москвич», вы его уже знаете. Водитель тот же.

– А у вас много машин?

– Одна, – серьезно ответил Николайчик.

– Значит, вы мне позвонили, чтобы сообщить, что я могу спать дальше?

– Я полагал, что вы ждете моего звонка согласно нашей утренней договоренности, – сказал Николайчик.

– Хорошо, спасибо, – сказал Шубин.

Он нырнул под теплое одеяло, но согреться уже не мог. И сон пропал. Он решил подниматься, погулять по городу. К тому же проголодался.

Вода была только холодная, но все равно воняла. Буфет в гостинице был закрыт, пришлось идти на вокзал и стоять там в длинной очереди к буфету. Рядом у игральных автоматов шумели подростки. Шубина преследовал запах – иной, чем у воды, но ощутимый, проникающий, гадкий, будто где-то рядом валялась дохлая мышь. Народу на вокзале было много, как и положено на вокзале, где люди проводят по несколько суток. По радио дважды объявили о том, что желающие могут интересно провести время в видеосалоне, просмотрев французский детективный фильм «Полицейские и воры». Потом объявили, что поезд Свердловск – Пермь прибывает на первую платформу, и вдруг началось движение людей, вызванное этим объявлением.

Чтобы избавиться от неприятного запаха, Шубин вышел на перрон. У общих вагонов остановившегося поезда кипела толпа – он обратил внимание, что все пассажиры, что лезли в вагоны, были с детьми. На перроне пахло еще противнее. Даже начало подташнивать. А может быть, из-за той холодной курицы, съеденной в буфете? Этого еще не хватало.

Шубин вернулся на площадь. В киосках кооператоров торговали наклейками на джинсы, трикотажными кофточками и бусами. Шубин решил купить себе каких-нибудь продуктов к обеду, взять у дежурной чаю и добиться таким образом независимости от общественного питания. Но купить удалось только хлеба и печенья. В гастрономе висела стыдливая надпись: «Колбаса любительская и масло бутербродное по предварительным заказам населения».

С каждой минутой город нравился Шубину все менее. И его не примирили с ним даже милые, приземистые, провинциальные особнячки, что сохранились ближе к центру, и городской парк с фонтаном, посреди которого стоял Нептун в трусах, но книжный магазин ему понравился. Там было тепло; вонь, пронизывающая весь город, нехотя отступала перед запахами типографской краски и книжной пыли. Магазин был невелик и протянулся вглубь старого дома. В дальнем его конце обнаружился даже небольшой букинистический прилавок, где на полках тесно стояли многочисленные тома Всемирной литературы, а на прилавке, корешками вверх, теснились книги относительно новые, но надоевшие владельцам и в основном малоинтересные. Одна полка была выделена для старых книг, и Шубин подошел к ней, допущенный милостиво худенькой курчавой девушкой в больших модных очках. Девушка спросила:

– Вас что-то конкретно интересует?

– Нет, конкретно меня ничего не интересует.

– Вы любите книги?

– Кто их не любит?

– У нас редко бывают интересные книги, – сказала девушка. – Но есть настоящие любители. Если вы к нам надолго, то я вам советую заглянуть в общество книголюбов.

– Я ненадолго. У вас плохо пахнет.

Шубин не имел в виду нечего дурного, но, сказав так, понял, что, наверное, обидел девушку.

– Я имею в виду на улице, – добавил он поспешно.

– К этому нельзя привыкнуть, – сказала девушка. – Я вас понимаю. В «Социалистической индустрии» была статья о нас, совсем недавно. Но потом у автора были неприятности.Наше начальство приняло меры.

– Такие длинные руки?

– Так в Москве министерство! Они все одним миром мазаны.

– мне говорили, что у вас в городе создано экологическое общество?

– Мы хотим провести митинг, – сказала девушка. – Я сама ходила в горисполком. Не разрешили. сказали, что меры принимаются.

Человек, с черной бородой и длинными нечесанными волосами, подошел совсем близко м высоким настырным голосом сказал:

– Ты бы, Наташечка, пригласила гостя погулять на речку.

– Борис! Я тебя не заметила.

– Меня трудно не заметить,: – ответил длинноволосый. – Меня замечают чаще, чем бы мне этого хотелось.

Он громко засмеялся.

Борис был постоянно агрессивен. Даже когда молчал и, наверное, когда спал. Такие люди вызывают немедленную неприязнь у любого начальства, что не останавливает их от желания вступать с начальством в конфликты.

– Судя по тому, что вы зашли в книжный магазин, вы ленинградец, – продолжал Борис. – Человек вы респектабельный, бывавший за рубежом. Я бы сказал – старший научный сотрудник, химик, намерены что-то внедрять на нашем химзаводе. И потому, разделяя тревоги жителей города, останетесь при своем мнении и даже будете способствовать дальнейшему его отравлению, правда, оставаясь вне пределов вони. Что, молчите? Я угадал? Ну конечно же, я угадал!

Я таких типов просекаю мигом.

Борис все смеялся, и Шубин почувствовал, как он ему неприятен – он жирных немытых волос, плохо выбритого худого лица, висячего красного носа до рук, слабых, желтых, с обгрызенными ногтями.

– Нет, не угадали, – сказал Шубин и отвернулся к полке.

– Не хотите, не надо, – сказал Борис. – Мы не гордые.

– Боря, ты стараешься обидеть незнакомого тебе человека, – сказала, покраснев, Наташа.

– А я их всегда обижаю, – сказал Борис. – Между нами слишком много барьеров – классовых, социальных, национальных и даже банных. У нас мыла дешевого нет, а рублевая парфюмерия мне не по карману.

– Спасибо, – сказал Шубин Наташе и отошел от полок. В ином случае он бы поправил провидца, переселившего его с помощью никуда не годного дедуктивного метода в Ленинград и сделавшего его химиком. Но поправлять Бориса значило оправдываться перед ним. За его спиной что-то шептала Наташа, а Борис громко сказал вслед Шубину.

– Убийцы! Все они из одной своры…

Больше в городе смотреть было нечего. Поискать, что ли, музей?

Но ведь заранее известно, что будет в том музее. Состав экспозиций утвержден в Министерстве культуры.

Обратно к гостинице Шубин пошел другой улицей – заблудиться было трудно, город распланировали в девятнадцатом веке по линейке. Стало теплее, и белый снег остался только во дворах. Крыши были мокрыми, тротуары и мостовые покрывала кашица, которая брызгала из-под колес набитых народом автобусов. Над очередью, что стояла за грейпфрутами, висел приклеенный к стене неровно написанный лозунг: «Защитим чистый воздух!» Борьба за чистоту окружающие среды, отраженная в лозунге, висевшем слишком высоко, чтобы его не сорвали

походя, вызвала в Шубине раздражение. Он вспомнил о Борисе и ощутил сочувствие к химзаводу.

Солнце блеснуло сквозь сизые облака, и сразу же его закрыла туча. Пошел холодный дождь. Очередь покорно мокла, накрывшись зонтиками. Шубину показалось, что дождь воняет, и он пожалел, что не взял зонтика.

Николайчик пришел в два. Он долго снимал пальто, складывал зонтик.

– Вы хорошо отдохнули? – спросил он.

– Спасибо.

– Я забыл провентилировать с вами вопрос питания, – сказал он. – На Луначарского есть приличная диетическая столовая. Но туда надо ходить до часу или после трех, потому что днем там много посетителей.

Он был очень тоскливым человеком, под стать погоде. Прошел в комнату, уселся за письменный стол, разложил на нем мятую бумажку, ту же, что пытался зачитывать утром в машине.

– Сейчас мы с вами направляемся на прием к товарищу Силантьеву. Будет чай.

– С колбасой по талонам? – спросил Шубин.

У него разболелась голова, не привык к здешним миазмам.

– Ценю юмор столичного жителя, – сказал Николайчик. – Однако снабжение по талонам для нас, провинциалов, имеет свои преимущества, так как вводит социальную справедливость. Этим ликвидированы очереди за дефицитом. Если же вы намерены шутить на эту тему у товарища Силантьева, я бы не советовал, потому что он не разделит вашего юмора. Снабжение нашего города представляет большие трудности, и товарищ Силаньтьев на своем посту сделал немало для улучшения быта наших граждан.

Произнеся такой монолог, Николайчик выдохнул с шумом воздух и уставился в окно. Шубину показалось, что его выключили.

Без стука вошла Эля. В той же кепке и кожанной куртке.

– Федор Семеныч, – обратился она к Николайчику. – Вам еще на «Французскую коммуну» надо успеть. Забыли, что ли?

– Да, – проснулся Николайчик. – И в самом деле забыл.

Он смущенно улыбнулся, и Шубин подумал, что он бывает обыкновенным и даже добрым. Николайчик долго одевался, почему-то стал открывать зонтик в крошечной прихожей, не смог пройти с ним в дверь и снова закрыл его.

Эля стояла посреди комнаты, оглядывая номер с любопытством, словно пришла к Шубину домой и хочет понять, как живет знаменитый корреспондент-международник.

– Вы машинку пишущую всегда с собой возите? – спросила она.

– Всегда.

– Чтобы когда мысль придет, ее сразу схватить, да?

– Примерно.

Николайчик захлопнул за собой дверь и громко затопал по коридору.

– Мне пора, – сообщила Эля, не трогаясь с места.

– Скажите, Эля, он всегда такой или бывает другой?

– Он вполне приличный, – сказала Эля. – Только запуганный. Его из гороно выгнали, за прогрессивность. С тех пор он боится. Я думала, что когда он квартиры дождется, перестанет боятся. А он уже привык.

Эля засмеялась.

Дверь открылась, Николайчик сунул голову внутрь. Шляпа задела за край двери и упала. Николайчик присел на корточки и спросил:

– Мы не опоздаем, Эльвира?

– Я быстро поеду, – сказала девушка. – А мы о вас говорили.

– Я знаю, – Николайчик поднялся, напялил шляпу. – Я слышал.

Они ушли, но через минуту снова заглянула Эля.

– Я его отвезу и прямо за вами! Вы пока одевайтесь.

Горисполком занимал солидный, с колоннами, трехэтажный дом, в котором, вероятно, когда-то была гимназия. Когда они шли по широкому коридору, Шубин заглянул в открытую дверь и увидел, что пространство за ней разгорожено фанерными стенками, которые не доставали до потолка. Из-за стенок стрекотали машинки и стоял гул голосов. По коридору слонялись посетители, некоторые стояли, прислонившись к стенкам, или сидели на подоконниках. Последняя дверь в коридоре была обита пластиком. Справа и слева от нее были черные застекленные таблички. Справа – «В.Г.СИЛАНТЬЕВ», слева – «В.Г.Мышечкина». Мышечкина была изображена куда более мелкими буквами.

В приемной, где по обе стороны высокого узкого окна стояли столы и за ними сидели две пожилые секретарши, Эля сдернула кепку.

– Привела, – сказала она.

– Пусть товарищ подождет, – сказала правая секретарша. – У Василия Григорьевича совещание.

– Вы сидите, – сказала Эля, – я пойду Николайчика встречу. Он всегда здесь плутает. Сколько раз был, а плутает.

Шубин уселся на мягкий стул, рядом с дверью в кабинет. Дверь была обита таким же пластиком, как и внешняя, и возле нее висела точно такая же табличка.

Секретарши на Шубина не смотрели. Из кабинета долетали обрывки фраз, разговор шел на повышенных тонах.

– У меня детей из города увозят, – басил начальственный голос. – Завтра они по Свердловску понесут.

– Ты же знаешь, Василий Григорьевич, – отвечал другой голос, тоже начальственный, но повыше. – Все это бабьи сплетни. Кирилл, подтверди.

– Опасность сильно преувеличена, Василий Григорьевич. Мы неперерывано проводим замеры. Зараженность не увеличивается.

Третий голос был совсем не начальственный. Тенор.

– Кирилл – специалист. Ему за это деньги платят.

– Кто платит? Кто платит? – рычал Василий Григорьевич. – Ты же знаешь, что они митинг назначили на завтра?

– А вот это надо пресекать, – сказал второй голос наставительно. – Ты же понимаешь, с какими это делается целями и кому это нужно?

Возникла пауза. Потом Василий Григорьевич сказал, тоном ниже.

– Хоть вонь бы убрали. У меня сейчас из Москвы один будет…

– Откуда?

– Из Москвы.

– Я имею в виду – кто его прислал?

– Нет, не думай. По линии «Знания». Международник.

– Ну и что? Знаем мы этих международников.

– Вот я и говорю: нанюхается наших амбре, вернется, и в ЦК!

– Точно международник?

– Ну что ты заладил! Точно. Позавчера по телевизору выступал.

– Когда мне телевизор смотреть? Ты Кириенку предупредил?

– Милиция без меня знает. Но я думаю… всегда лучше запретить, чем разгонять.

– Должны быть зачинщики. Надо обезглавить.

– А перестройка?

– Мы не шутить собрались.

– А я и не шучу. Мне еще тут работать. У тебя Москва есть – прикроет. А меня кто прикроет? Ты?

Была пауза. Потом невнятное бурчание отдалившихся от двери голосов. И снова, уже понятнее:

– Отправь их куда-нибудь. Это в наших общих интересах.

– Наши общие интересы – служение народу.

– Смотри, как заговорил. Место бережешь?

– А мне еще до пенсии далеко. У тебя в списке Синявская… знакомая фамилия.

– Из пединститута.

– Давно на пенсию пора. А то еврей, который на площади сидел, голодал? Помнишь, Кириенко его на пятнадцать суток?

– Борис Мелконян. Он в списке есть.

– Арменин?

– Может, и еврей.

Снова была пауза. Потом:

– Возьми свою цидулю. Не буду я связываться. Пускай митингуют.

– Ты свое место так не спасешь. Им только дай палец.

– Лучше бы об очистных побеспокоился. Вторую очередь пустил, а об очистных опять забыл.

– А что я могу? Я же пишу, звоню – а мне: давай план!

– Детей из города вывозят.

– Положение нормализуется. За ноябрь аварийных сбросов не было.

– Я могу утверждать, что принятые меры должны оказаться действенными, – произнес долго молчавший тенор.

– А у меня письмо доцента Бруни. Он меня предупреждает санитарной инспекции не верить, потому что вы в кармане у Гронского.

– Василий Григорьевич, ну кто этому Бруни верит?

В приемную быстро вошел Николайчик. В руке он мял мокрую шляпу.

– Вы здесь? Как хорошо! Меня задержали, – сказал он. – Вас еще не приняли?

Шубин не ответил. Ему жаль было, что Николайчик принес с собой шум, перекрывший голоса из кабинета.

– А что? Он занят? – Николайчик повесил шляпу на вешалку, что стояла в углу приемной. И принялся стаскивать пальто. – У него кто-то есть?

– Гронский у него, с санинспекцией, – сказала секретарша недовольно. И Шубин понял, что она тоже слушала разговор из-за двери и ей тоже жаль, что Николайчик помешал.

– Тогда мы подождем, – сказал Николайчик, усаживаясь рядом с Шубиным. – Там проблемы важные.

Он чуть склонился к Шубину и понизил голос:

– В городе напряженная экологическая обстановка. Лично Василий Григорьевич в контакте с общественностью принимает энергичные меры. Я полагаю, что товарищ Гронский докладывает ситуацию на химзаводе. Подождем, хорошо? У нас еще есть время.

Секретарша громко хмыкнула, и Шубин понял, что этим она как бы обращается именно к нему, знающему истинное положение вещей и способному оценить лживость Николайчика. А вторая вдруг сказала:

– Могли бы, Федор Семенович, и внизу раздеться. Как все люди. У вас пальто все мокрое.

– Разумеется! – Николайчик вскочил, метнулся к вешалке, хотел было снять пальто, но замер. – Нет, – сказал он твердо. – В любую минуту нас пригласят. Я в следующий раз.

Дверь кабинета отворилась, и один за другим оттуда вышли три человека. Все трое были респектабельны, все в хороших импортных костюмах, белых сорочках и при галстуках. Подобных чиновников Шубин мог представить перенесенными в московский кабинет и ничем не нарушающими столичные церемонии. Первым вышел красавец, стройный, седовласый и розовощекий. Шубин наблюдал, как они прощаются, не обращая на него внимания. Значит, это и есть санинспекция. Мягкий, с брылями, улыбчивый, будет директор химзавода Гронский, в налитой явным здоровьем, обладатель геометрически правильного пробора – Силантьев.

Силантьев, пожимая руку Гронскому, заканчивал фразу:

– У нас там воздух сказочный… тайга.

Тут он увидел поднявшегося Шубина и склонившегося вперед Николайчика. Он чуть приподнял брови и кинул взгляд на большие настенные часы, словно счел приход визитеров преждевременным. Обращение к часам убедило Силантьева, что визитеры не поспешили, а он забыл о них за важными беседами, и, не выпуская руки Гронского, он шагнул к Шубину, подтягивая Гронского за собой.

– Простите, заговорились, – сказал он и властно вложил руку Гронского в ладонь Шубина. – Спасибо, что пришли, спасибо! К нам редко залетают птицы вашего полета.

Гронский крепко сжал руку Шубина и сразу отпустил, словно обжегся.

– Как же, – сказал он, – слышал. Вы позавчера по телевизору выступали?

– Вот именно, – обрадовался Силантьев и обратился к Гронскому: – Не останешься на лекцию? Товарищ Шубин согласился выступить перед аппаратом. Через полчаса.

– Ты же знаешь, – смущенно улыбнулся Гронский и стал похож на породистую собаку, – конец месяца. Я уж не помню, когда у меня выходной был.

– Ну хорошо, мы с тобой все обсудили, ты иди, трудись. Давай родине большую химию! А вы, товарищ Шубин, заходите в кабинет. Вера Осиповна, вы не будете так любезны угостить нас чайком? А то на улице мразь и холодина. Такой климат, что поделаешь? Рады бы перенести сюда сочинские пейзажи, но это дело – отдаленного будущего. Заходи, и ты, Федор Семенович, заходи. Все в бегах и заботах?

У безостановочного Силантьева был совсем другой голос, не тот, что звучал за дверью. На октаву выше, дробней, оживленней. Подталкивая Шубина в спину, он ввел его в кабинет, где стоял обязательный стол буквой «Т» для посетителей, а в стороне длинный, по десять стульев с каждой стороны, под зеленой скатертью – стол для заседаний. Над столом висел отретушированный портрет

М.С.Горбачева, а в шкафу, занимавшем всю стену, стояли тома собрания сочинений В.И.Ленина, а также размещались медали, скульптурки и вымпелы.

Силантьев был демократичен, он усадил Шубина за длинный стол, сам сел рядом, показал жестом Николайчику, где ему поместиться.

– Чай, – сказал он, живительный напиток. Вы на западе и не знаете, как его пить надо.

В приоткрытую дверь было слышно, как звенит посудой Вера Осиповна.

– Пока еще индийский есть, – доверительно сообщил Силантьев.

– Но с нового года закрываем распределитель, все товары ветеранам и в торговую сеть. Социальная справедливость. Если посетите нас в следующем году, буду угощать грузинским.

– Может, к тому времени индийского чая хватит на всех? – вставил Шубин.

– Любопытная мысль. А у вас там есть сведения? Надо расширять закупки. Наверное, вы обращали внимание, что нас, так сказать, командировочных со стажем, всегда больше всего шокирует за рубежом не то, что у них шмотки на каждом шагу. Это привычно и нас не так уж касается. А вот продовольственное изобилие! Я недавно был в Кельне. Вы бывали в Кельне?

– Приходилось.

– Заглянул я там в чайный магазинчик, как раз на против нашей гостиницы. По крайней мере, сто сортов чаю, я не преувеличиваю. И дешево, черт их побери. Я, знаете, чуть ли не половину командировочных ухлопал – всем привез. Да что деньги беречь – все равно копейки дают.

Вера Осиповна принесла чай и печенье на тарелке.

– Спасибо, – сказал Силантьев. – Живем мы скромно. Если бы заглянули в наш обыкновенный магазин, увидели бы, что у нас даже масло по талонам. Стыдно, стыдно людям в глаза смотреть. Но пока у нас нет изобилия, мы компенсируем

его справедливостью. Помните, Вера Осиповна, какой я в апреле чай привез и ФРГ?

– Замечательный чай, – вздохнула Вера Осиповна.

Силантьев обернулся к Николайчику, который грел пальцы о чашку.

– Надеюсь, ты разработал программу нашему гостю? Твой долг обеспечить максимальную аудиторию – пусть люди встретятся, поговорят, послушают очевидца. Мы обязаны вести пропаганду на самом высоком уровне.

Николайчик вытащил из верхнего кармана пиджака еще более измявшуюся бумажку и вознамерился ее зачитывать, но Силантьев отмахнулся:

– Верю, верю, верю, пашешь, сил не жалеешь! Хорошие у нас местные кадры. Беречь надо, а мы не бережем. И платим недостаточно, и жилищная проблема находится в процессе решения.

– Василий Григорьевич, – сказал Николайчик, – вы обещали для нашего «Москвича» резину выделить. Помните?

– Что? Какую резину?

– Когда академик приезжал. Мы здесь сидели.

– Ну и хитрецу ты, Николайчик, ну и хитрец! Знаешь, когда подкатиться к начальству. Сделаем, завтра Нечкину позвони.

Чай был хороший, крепкий.

– Как устроились? – спросил Силантьев. – Гостиница у нас обычная, но чисто. Правда, чисто?

Шубин хотел было сказать о мыле и туалетной бумаге, но сдержался. Откуда Силантьеву взять эту проклятую туалетную бумагу?

– Чисто, – сказал Шубин. – Только вода у вас не очень.

– Что? Вода? Какая вода? – Силантьев будто выпустил секунду из себя другого человека, с начальственным голосом, настороженного и готового к борьбе. И тут же спохватился, загнав внутрь. – У нас много проблем. Много. Вот Федор Семенович как старожил помнит – какая вода у нас была! А в речке – каждый камешек! На любую глубину. Я ведь сам местный, и Плутова, так мы мальчишками вот таких сомов вытаскивали… Прогресс. Губим мы природу, на жалеем. Любую газету откроешь – что видишь? Уничтожение природы. Вот сейчас был у меня Гронский, директор нашего химзавода. Детище второй пятилетки. Вроде бы он мой друг и соратник, а с другой стороны, у нас с ним происходят большие споры. На него министерство давит – план! Нужна стране химия? Отвечаю – нужна! Но не за счет здоровья людей. Моя позиция бесспорна.

– А позиция завода? – спросил Шубин.

– В целом – конструктивная. Если будет у вас время, отвезем на очистные сооружения! В два с половиной миллиона обойдутся. Вернем воду нашей реке! Только не поддаваться панике и не прислушиваться к демагогам. Вы меня понимаете?

– Понимаю, – сказал Шубин.

– Мы от вас ничего не скрываем. Но и у меня к вам просьба, товарищ Шубин.

– Пожалуйста.

– У вас свежий взгляд. Объективный. Я вас по-товарищески прошу: если заметите или услышите что-нибудь интересное, или, скажем, тревожное – пожалуйста ко мне! Я готов в любой момент дать разъяснения. Ночью разбудите – я ваш!

Силантьев поднялся.

– Пора идти, товарищи наши уже собрались, ждут с нетерпением человека, который здоровался с госпожой Тэтчер.

Силантьев первым шагал по просторному коридору, как царь Петр вел сподвижников на строительство Петербурга. Ботинки у него были хорошо начищены. И под кованы. Уши прижаты, пробор уходил на затылок, и там волосы аккуратно и выверенно прикрывали начинающую лысинку.

На лестничной площадке курили две девицы. Они спрятали сигареты за спины. Силантьев сказал на ходу:

– Все в зал, все в зал!

Зал заседаний, некогда актовый зал гимназии, был полон. Двадцать рядов – быстро просчитал Шубин – по четырнадцать стульев. И все заняты. Девяносто процентов – женщины. Сколько же человек здесь трудится?

Некоторые начали подниматься, как перед уроком, другие принялись аплодировать. На сцене стояли три стула и микрофон. Силантьев энергичным жестом остановил аплодисменты и подошел к микрофону.

– Среди нас, – сказал он, находится известный журналист-международник, корреспондент газеты «Известия» Юрий Сергеевич Шубин.

Последним словом он вызвал в зале аплодисменты, причем именно такой мощности, что их можно было остановить новым движением руки.

Подходя к микрофону, Шубин краем глаза увидел, как Силантьев усаживается на стул за его спиной, чтобы вместе с товарищами по работе прослушать увлекательный рассказ московского лектора, который не пожалел времени, оторвался от своих важных дел ради сотрудников городского аппарата.

Потом, уже в середине лекции, Шубин снова кинул взгляд назад, но там был лишь Николайчик – весь внимание. Стул Силантьева был пуст.

Слушали так себе, и чем дальше, тем громче становилось шуршание в зале. Шубин не был профессиональным лектором и на каком-то очередном повышении шума смешался, забыл, о чем надо говорить, и, совершенно очевидно, с силой провидца, заглянувшего в коллективную душу аудитории, понял, насколько безразличны аргентинские и бразильские проблемы и даже выборы президента

в США для те, кто сидел в зале, надеясь, что лектор уложится минут в сорок и можно будет уйти с работы пораньше. Но этот московский лектор – еще относительно молодой и внешне интересный, хоть и не большого роста – все говорит и говорит и не соображает, да и как ему, сытому москвичу, сообразить, что еще надо бежать в прачечную, идти за ребенком в детский садик, а автобус набит и в магазинке вечерняя очередь.

– А теперь я хотел бы, чтобы вы мен задали вопросы, – услышал Шубин собственный голос, что его удивило, потому что он настолько отвлекся, читая мысли слушательниц, что забыл о себе и не слышал конца лекции, видно гладкого и ожидаемого, потому что никто в зале не заметил раздвоения лектора.

Последовала небольшая пауза, прежде чем Шубин мог позволить себе сказать: «Раз вопросов сегодня нет, то я хотел бы поблагодарить вас за внимание…» И тут поднялся сурового вида ветеран с орденскими планками и начал прокашливаться. И по залу, мгновенно охваченному негодованием к человеку, остановившему благоприятное течение событий, прокатился свирепый гул, на что Николайчик, увидя, что наступил его час, вскочил и громко произнес:

– Товарищи! Лекция еще не закончена. Каждый получит возможность задать вопрос.

Словно и в самом деле шум возник от неуемного желания чиновниц засыпать Шубина вопросами.

– Нельзя ли уточнить, и поподробнее, товарищ лектор, – прогудел ветеран, – взаимные позиции Англии и Аргентины касательно Фолклендских, или Мальвинских, островов.

Зал послушно примолк, а Шубин покорно и слишком подробно принялся объяснять людям, которым и во сне не приснятся Фолклендские острова, как они были аннексированы Великобританией.

Зал шуршал, шептался и надеялся, что другого активиста не найдется. Но нашелся. Правда, в несколько ином облике.

Когда человек с планками начал прокашливаться, подготавливая новый вопрос, резко вскочила женщина, из породы крикливых, простоволосых любительниц правды-матки.

– Вы нам вместо Аргентины скажите, – выкрикнула она, – как в Москве обстановка с водой? Долго еще будем детей травить?

Зал сочувственно зашумел. Шубин не знал, что ответить, но ответил Николайчик.

– Я просил, – грозно сказал он, – задавать вопросы по сути дела, а не отвлекаться. И если вопросов по сути нет, то Юрий Сергеевич закончил лекцию.

В зале сразу стали вставать, потянулись к дверям, загалдели, и ни один человек не взглянул более на сцену. Николайчик был огорчен.

– Не ожидал такого выпада в этих стенах. Но вы не расстраивайтесь. Вечером будет совсем иначе, люди за свои деньги придут.

– Я не сомневаюсь, – сказал Шубин.

Шубин попал в поток женщин, они расступались, одна сказала спасибо, что приехали. Чья-то рука дотронулась до его пальцев – Шубин почувствовал, что ему передают сложенный лист бумаги. Хотел положить его в карман, но Николайчик замети и спросил:

– Что это вам дали?

– Записку, – сказал Шубин.

– Можете отдать ее мне, – сказал Николайчик. – Вам она не нужна.

– Не беспокойтесь, – сказал Шубин. – Я собираю записки.

До вечерней лекции в ДК «Текстильщик» оставалось еще часа три. «Москвича» не было. Шубин сказал, что дойдет до гостиницы сам. Николайчик обрадовался – сказал, что жена ждет обедать, а его язве нужна диета. И они попрощались.

Возвратясь в гостиницу, Шубин попросил у горничной чаю, достал купленную утром булку и устроил себе скромный диетический обед. Потом вспомнил о записке и достал ее из кармана.

Там было написано:

«Как можно рассуждать о Мальвинских островах, когда у нас в городу такое тяжелое положение, но обратиться совершенно некуда. Скажите, чтобы к нам прислали корреспондента. Городу буквально угрожает опасность, она исходит от деятельности химзавода и биокомбината. В один прекрасный день они устроят у нас эпидемию, а пока они медленно убивают наших детей, но никто не обращает внимания».

Подписи не было.

Шубин оставил записку на столе. Городов, где плохой воздух и вонючая вода, немало. Все на свете относительно: ему, Шубину, хочется снова пожить в Швейцарии, а этим людям Москва кажется недосягаемым раем.

Он подошел к окну. Темнело. По небу, озаренному розовым зимним закатом, тянулись горизонтальные полосы неестественного анилинового цвета.

В комнате было душно, Шубин, забыв о городских ароматах, приоткрыл окно. Потом захлопнул его.

Шубин решил вздремнуть.

Проснулся он от того, что в комнате стояла Эля.

– Что? – спросил Шубин, открывая глаза. – Пора?

– У вас лицо выразительное, – сказала Эля. – У меня брат художник, Гера, на кладбище работает, на плитах вырезает буквы и венки. Хотите, к нему поедем, он вас нарисует, лады?

Шубин рассмеялся. Он вскочил, стараясь сделать это легко и молодо. И сразу оказался рядом с Элей – номер был мал. Она подняла глаза и посмотрела на Шубина внимательно и серьезно. Руки сами притянули ее за плечи. Эля послушно сделала шаг вперед. Ее губы чуть разошлись, как бы ожидая поцелуя, и поцелуй получился долгим, как будто не первым, а тем, десятым, сотым, от которого одно движение до близости. Рукам Шубина было неловко прижимать к себе скользкую кожу куртки.

Эля вдруг оттолкнула Шубина. И сказала, будто процитировала:

– Не время и не место.

Сам поцелуй не вызвал в ней удивления или сопротивления.

– Извини, – сказал Шубин.

– А чего извиняться. Я заводная. Если бы не кожан, вы бы почувствовали. Пошли, а то Федор Семеновича инфаркт хватит.

Она пошла к двери первой. Шубин натягивал аляску и смотрел на волосы Эли, очень густые, черные, прямые. Восточные волосы. А лицо русское.

– Волосы у тебя красивые, – сказал Шубин, выходя в коридор.

– Это раньше были красивые, – сказала Эля. – Я химию делала. А когда на машине стала работать, обрезала. И не жалко.

Дежурный с красной повязкой у двери поднялся, когда Шубин поравнялся с ним. Открыл дверь. Какое тупое, злое лицо, подумал Шубин.

– Он всегда так? – спросил Шубин.

– Ну что вы! Он в людях разбирается. Другого и не заметит.

– Или его предупредили?

– О чем предупредили?

– Что приехал ревизор, остановился в гостинице.

– Да какой вы ревизор?

– Вот и я говорю. А что, не похоже?

– Ревизоры разные бывают. Если вы ревизор, то секретный. Но вы даже не секретный.

– Почему?

– А потому что целоваться с шофершей не полезли бы. Ревизоры своем место ценят. Если надо, им доставят какую следует. Без риска. С керамическими зубами.

Шубин улыбнулся.

Он сел рядом с Элей на переднее сидение. Она долго заводила машину, мотор взрывался шумом и тут же замолкал.

– А еще ревизоры, даже секретные, не садятся рядом с водителем, – сказала она поучительно. – Люди на мелочах попадаются.

– Как шпионы, – сказал Шубин.

Он смотрел на ее профиль, который ему очень нравился. Он был четкий и логичный.

– Не смотрите, – сказала Эля. – А то никогда не заведу.

Машина все же завелась и, разбрызгивая снежную жижу по асфальту, развернулась к центру.

– Расскажи мне про общество защиты природы.

– Про зеленых?

– Они себя так зовут?

– Нет, это их так зовут. У нас в городе сейчас обществ посоздавалось – не представляете. Я даже не все знаю и разницу не понимаю. Есть «Память», потом «Мемориал», хотя эти хотят памятник жертвам сталинских репрессий ставить, потом «Отечество» и еще «Родина». Ну, конечно, «Зеленые», а в пединституте – политический клуб. Смешно, правда?

– Это везде происходит, – сказал Шубин.

– У вас это, может, и серьезно, а у нас их всерьез никто не принимает. Все равно власть не у них.

– А ты сама принадлежишь к какому-нибудь обществу?

– Вы с ума сошли! Мне работать надо. Митьку кормить.

– Кого?

– У меня сын есть, в садик ходит.

– Вот не думал…

– Мне уже двадцать пять, вы что думали? Девочка?

– А муж? – Шубину стало неловко – командировочный козел! Мужчина в сорок лет…

– Не беспокойтесь… – улыбнулась Эля. – Нет у меня мужа. В Томске мой муж строит новую семью. Выгнали мы его с Митькой. Так что я женщина свободная, люблю кого хочу.

Эта бравада была Шубину неприятна.

– Мне бы от получки до получки прокрутиться, не до фарфоровых зубов. Я у Федора Семеновича как личный лакей – туда, сюда, подай, привези. На себя некогда пахать. Вот и крутимся на полторы сотни в месяц.

– А он помогает ребенку?

– Он бы себе помог.

«Москвич» резко затормозил у подъезда безликого желтокирпичного клуба. Машину занесло по грязи. Эля матюкнулась сквозь зубы. Может быть, нечаянно, а может, специально для Шубина.

– Идите, – сказала она. – Вас в дверях встретят.

Она осталась в машине и не смотрела на Шубина, будто была обижена.

Шубин поднялся по лестнице. Суетливая женщина в школьном платье с белым кружевным воротничком ждала его у вешалки.

– Вам не здесь раздеваться, – сказала она. – Вам, Юрий Сергеевич, в кабинет директора.

Сейчас скажет, подумал Шубин, что видела меня позавчера по телевизору.

Но обошлось. Они прошли через буфет, где стояла длинная очередь. Шубину было ясно, что этим людям никак не управиться до начала лекции. Они будут входить и стучать стульями во время ее. В кабинете директора было натоплено, на столе стоял чай и домашние пирожки, которые, как выяснилось, испекла женщина в школьном платье. Николайчик уже восседал за столом и жевал бутерброд с ветчиной.

– Подкрепитесь, – сказал он наставительно.

– Уже надо идти.

– Подождут.

Шубин хотел было возразить, но тут понял, что страшно голоден и совершенно неизвестно, когда удастся поесть в следующий раз. Пригласили, водят по кабинетам, а чтобы покормить – это в голову не приходит.

Он уселся за стол и стал жевать бутерброд. В кабинет заглядывали какие-то люди, будто узнали, что привезли редкое животное. Скорей бы домой. Вода в жидком чае противно пахла. Шубину показалось, что этот запах будет теперь преследовать его везде.

– Вода у нас, можно сказать, целебная, – сказал Николайчик.

– Я смотрел сводку – по химическому составу она содержит многие полезные микроэлементы. Правда, приходится жертвовать вкусовыми данными.

– Лучше бы без микроэлементов, – сказал Шубин, и Николайчик послушно засмеялся.

Зал был почти полон, и это немного примирило Шубина с жизнью. Он сел за столик рядом с Николайчиком, который принялся по бумажке вычитывать краткую биографию гостя. Звучало солидно. Шубин хотел найти в зале Элю, но свет в зале был притушен, только первые ряды на свету. Если она пришла, она где-то у входа. Нет, сказал себе Шубин, она сейчас пользуется возможностью подработать. Ловит клиентов на вокзале.

Шубин старался говорить интересно, ему надо было почувствовать зал. Важно почувствовать, что тебя слушают. Зал был благожелательный. Люди купили билеты, то есть сознательно отдали ему вечер, и Шубин честно хотел отработать полтинник, который каждый из них заплатил.

Слушали хорошо, потом были вопросы. Так как зал был велик, вопросы передавали в записках из ряда в ряд, а потом мальчик, сидевший в первом ряду, бежал к сцене, поднимался на цыпочки и клал их в картонную коробку, что стояла на краю сцены. Николайчик поднимался, шел к коробке, вытаскивал очередную партию записок, нес к столику и, прежде чем отдать Шубину, прочитывал их, раскладывая на две стопки, – та, что поближе к Шубину, предназначалась для ответов, а та, что оставалась под рукой у Николайчика, предназначалась черт знает для чего.

Шубин отвечал, поглядывая на все растущую стопку под рукой Николайчика, и его подмывало вытащить записки у организатора. Ему неприятно, что кто-то решает за него.

Когда Николайчик в очередной раз отошел, Шубин протянул руку к забракованным запискам и спросил в микрофон:

– А на эти отвечать можно?

В зале засмеялись. Потом раздались аплодисменты.

Николайчик вернулся к столу и сказал не в микрофон:

– Это все повторения. Те же вопросы. Я не хотел ваше время отнимать.

Шубин не поверил ему и потянул записки к себе. Николайчик сдался, но добавил при этом:

– Но есть такие, которые к вам не относятся.

– А вот это мы сейчас и посмотрим, – сказал Шубин в микрофон.

– Читайте, читайте! – кто-то крикнул из зала.

Шубиным владело сладкое мстительное чувство презрения сильного к провинциальному бюрократу, который посмел поднять руку на его свободу.

Он раскрыл верхнюю записку и прочел ее вслух:

– «Вы женаты?»

Зал после короткой паузы расхохотался. Даже Николайчик смеялся удовлетворенно. Шубин сказал:

– Это к делу не относится. – Ответ был неудачен, и зал продолжал смеяться.

Шубин достал другую записку:

– «Как решается проблема с нитратами в овощах в других странах?» – Шубин начал отвечать, и зал слушал зачарованно, так как это всех интересовало. Шубин поглядывал на Николайчика, который нервно зевал. Ему очень хотелось кончить эту лекцию, но Шубин в союзе с залом продолжал его злить.

Следующая записка:

– «Какие меры принимаются в Японии или Америке по отношению к заводам, травящим население? А то у нас химзавод и биокомбинат травят нас, как мышей. А разве мы полевые вредители?»

– Это провокационный вопрос и не имеет отношения к международной обстановке, – сказал Николайчик, и зал зашумел.

– Ничего, – сказал Шубин. – Я отвечу. Как я понимаю, эта проблема остро стоит в вашем городе.

– Еще как! – крикнули из третьего ряда. Шубин поглядел в ту сторону и увидел сидевших рядом бородатого Бориса и очкастую Наташу из книжного магазина.

– Помимо государственных органов, которые обязаны следить за окружающей средой и которые независимы от местных властей, в европейских странах существуют общественные организации, которые могут влиять на производителей. Губить природу предприятиям там стало экономически невыгодно. Слишком дорого это обходится.

– А у нас он платит из государственного кармана! – крикнул Борис, поднимаясь, словно в римском сенате, и указывая перстом на неизвестного Шубину человека в черном костюме, который сидел в первом ряду.

– Спокойно! – кричал в микрофон Николайчик. – Спокойно, товарищи! Мы не на базаре!

Человек в черном костюме поднялся и пошел к выходу.

Борис с Наташей из книжного магазина ждали Шубина у выхода. Шубин знал, что они будут его ждать. После ухода человека в черном костюме, оказавшегося «товарищем Николаевым», ввергнувшего Николайчика в глубокое прискорбие, вечер быстро закруглился, так как Николайчик пошел на предательский шаг, сразу выбивший почву из-под ног общественности. Он встал и громко напомнил собравшимся, что после лекции намечен британский кинофильм, а механик не может ждать до полуночи. Шубину бы обидеться, но стало смешно, и к тому же он уже понял, что Борис с Наташей будут его ждать. Еще несколько минут назад он и не помнил об их существовании, да и не трогали его их заботы. Не потому, что Шубин был особо бездушен – он был равнодушен в меру, фаталистически полагая, что химзавод и дальше будет травить воздух, пока не прорвется этот город со своими бедами на телевидение или в центральную газету, тогда приедет какая-нибудь комиссия, и фильтры в конце концов поставят.

– Значит так, – сказал Николайчик, когда они вышли за кулисы, – в будущем нам с вами придется быть несколько осторожнее.

Он уже овладел собой и старался быть дипломатичным.

– Я не совсем понимаю, – сказал Шубин, – Мне кажется, что встреча прошла интересно.

– Юрий Сергеевич! – сказал Николайчик. – Вы приехали, вы уехали. Нам здесь оставаться. Обстановка напряженная, есть провокационные элементы, которые совершенно не думают о реальных интересах города. Легко быть крикуном. Сложнее – созидателем.

– Вы серьезно?

– Я не сторонник демагогии, – сказал Николайчик твердо. – и не нам с вами решать, как помочь моему родному городу. Есть более решительные силы. А этим силам ставят палки в колеса. Неужели вы думаете, что Василий Григорьевич не принимает близко к сердцу то,что происходит?

– Значит, митинга завтра не будет? – спросил Шубин.

Они зашли одеться в кабинет директора, где к ним кинулась женщина в школьном платье и принялась благодарить Шубина за замечательную лекцию.

Она пошла их провожать, но Шубин и Николайчик быстро пошли вперед, и женщина не посмела держаться рядом.

– Что вы знаете о митинге? – спросил Николайчик.

– Все о нем говорят.

– Вот это лишнее. Все не говорят. Вы получили эту информацию со стороны. И даже интересно, откуда.

– Так будет или не будет?

– Я не милиция, – сказал Николайчик. – Но хотите знать мое личное мнение?

– Я его знаю.

– Да?

– Вы бы на месте Силантьева обязательно запретили этот митинг, который не отвечает высоким интересам города и нашего социалистического государства в целом.

– Примерно так, – согласился Николайчик. – А вы со мной не согласны?

– Категорически.

– Интересно, это ваше личное мнение?

– Нет, – ответил Шубин. – Я его согласовал в Москве.

Николайчик проглотил слюну. За спиной тихо ахнула женщина в школьном платье. Они уже вышли в вестибюль. Шубин увидел открытую дверь в буфет. Там все так же стояла длинная очередь.

Николайчик резко обернулся к женщине в школьном платье:

– Простите, я забыл позвонить в клуб химзавода о завтрашнем выступлении. Где телефон?

– Я вас провожу.

– Юрий Сергеевич, – сказал Николайчик официальным голосом. – Если вы согласитесь подождать три минуты, буквально три минуты, я вас завезу в гостиницу.

– Не беспокойтесь, звоните спокойно, – сказал Шубин. – Ведь не исключено, что завтра клуб химзавода закроется на ремонт.

– Как так?

– И моя лекция будет отменена по техническим причинам. Так бывает.

– Я бы этого не хотел.

– До свидания. Я пойду пешком.

Николайчик засуетился. Он разрывался между долгом отвезти домой Шубина и чувством долга, велевшим доложить кому следует о странной фразе московского журналиста.

Шубин пошел к двери, но Николайчик догнал его.

– Я хотел сегодня вас пригласить к себе, – сказал он, но моя жена прихворнула. Если позволите, давайте перенесем нашу встречу на завтра. Жена мечтает с вами познакомиться.

– Разумеется, – сказал Шубин. – Я буду счастлив.

Борис и Наташа ждали его у выхода. С ними еще два человека.

– Мы хотели бы с вами поговорить, – сказала Наташа. – Вы извините, если вы устали.

– Одну минуту, – сказал Шубин.

Эля стояла возле машины. Шубин подошел к ней.

– Я пойду до гостиницы пешком, – сказал он.

– Я была в зале, – сказала Эля. – Вы интересно выступали. А где Федор Семенович?

– Я ему сказал, что у меня особое задание. Из Москвы.

– Он звонить побежал? – сказала Эля.

– Ты его хорошо знаешь?

– Как же не знать! Третий год с ним работаю. Только вы на него не сердитесь. Он от них зависит.

– Я ни на кого не сержусь. У тебя телефон дома есть?

– Нет. А зачем?

– Я думал позвонить тебе вечером. Попозже.

– Позже некуда. Девятый час.

– Ну тогда до завтра.

– Вы с ними гулять пойдете?

– До гостиницы.

– Тогда идите скорей. А то Федор Семенович сейчас выскочит, увидит вас в такой компании – испугается.

– За меня?

– За себя. Чего ему за вас пугаться? Вы сами за себя пугайтесь.

– Спасибо за предупреждение.

– Долго не гуляйте, – сказала Эля. – У нас неспокойно. На химии зэки расконвоированные работают. А у вас куртка импортная.

Шубин поспешил к четырем темным фигурам, стоявшим возле выхода.

– Пошли?

Борис был без шапки – его космы и не уместились бы под шапку. Два других человека представились ему. Один был пожилой, с бородой клинышком. Такие бородки давно не в моде – они неизбежно вызывают представление о владельце, как о человеке с оппортунистическими взглядами. В революционных фильмах владельцы таких бородок предают дело рабочего класса. Бородку звали Николаем Николаевичем Бруни. Второй, молодой, в ватнике и железнодорожной фуражке, буркнул что-то, протягивая Шубину жесткую ладонь. Шубин не разобрал имени.

Они спустились к пустому скверу.

– Мы хотим вам нашу реку показать, – сказала Наташа.

– Только давайте договоримся с самого начала, чтобы не было никаких неожиданностей, – сказала Шубин. – Я не агент Москвы, не тайный ревизор. Это все недоразумение.

– А мы и не думали, – сказал Борис. – Это те, кто боятся, они легко верят всякой чепухе. Вы типичный благоустроенный международник. Наверное, «вольво» привезли?

– У меня «Жигули», – сказал Шубин без обиды.

– Боря, не цепляйся к человеку, – сказала Наташа.

Начало подмораживать, было скользко. Они миновали сквер, уставленный мокрыми черными стволами. Две или три лампочки на столбах горели, остальные перегорели или были разбиты. По краю сквера тянулась тропинка, от которой шел скат к неширокой речке. От нее плохо пахло.

За речкой тянулись темные склады. Дальше торчали усеянные святящимися квадратиками жилые башни, а за ними несколько труб, изрыгавших в неспокойное небо светлые клубы дыма.

– Это не вода, – сказал Бруни. – Это жидкость замедленного действия.

Вода в реке была черной, но странно отражала огни домов и завода на том берегу – они мерцали в воде, потому что по ее поверхности плыли обрывки желтоватого, почти прозрачного тумана.

– Это еще что такое? – спросила Наташа, и все ее сразу поняли.

– Я постараюсь прийти сюда завтра, – сказал Бруни, – чтобы разобраться.

– И пахнет иначе, – сказал Борис. – Еще гаже, чем всегда.

– Это у тебя нос слишком большой, – сказал парень в ватнике.

– В самом деле – пахнет иначе, – подтвердил Шубин. – Я тут человек новый, еще не принюхался.

Запах был тревожным и удушающе мертвым. Даже нельзя было сказать, насколько он неприятен, потому что ноздри отказывались пропускать его в легкие.

– Наша беда в том, – сказал Бруни, – что инспекция и химики отказываются изучать сбросы в сумме воздействия, во взаимной активности. Сброс может быть умеренно гадким сам по себе и убийственным в соединении с каким-то вполне нейтральным веществом.

– Пошли отсюда, – сказала Наташа и закашлялась.

Когда они вернулись в сквер и дышать стало легче, Шубин спросил:

– Но почему вы не пишете, не скандалите?

– Завтра будем снова скандалить. А нас разгонят, – сказал парень в ватнике. – Я уже отсидел пятнадцать суток.

– За что?

– Они узнали, что я у брата на свадьбе был. На обратном пути подстерегли. Пьянство и хулиганство.

– Я уверен, что наши письма и обращения доходят, – сказал Бруни. – Но потом, как у нас положено, их отправляют снова на круги своя – в обком, к нам в город, на завод. И получаем отработанные тексты. У нас выработалась замечательная система медленного нереагирования.

Они отвели Шубина в маленькое, жаркое, набитое народом кафе. В углу гремел телевизор, показывая видеофильм про Микки Мауса. Парень в ватнике сумел вытеснить с одного из столиков девушек с дикими прическами. Наташа с Борисом принесли жидкий, но горячий кофе.

– Кофе приходится класть втрое больше, – сказал Бруни, – чтобы отбить у воды этот вкус.

– Я его убью, – сказал Борис.

– Кого?

– Главврача городской больницы. Он выступил со статьей, где доказал, что сочетание микроэлементов в нашей воде полезно для здоровья.

– Я уже слышал об этом, – сказал Шубин.

– Он Николайчика? – спросила Наташа.

– Здесь все друг друга знают?

– Нет, далеко не все, но есть ряд известных фигур, – сказала Наташа. – Например, Боря.

И Шубин уловил в ее голосе нежность. Неужели можно испытывать нежность к этому чудищу?

– Наш город численно разросся, – сказал Бруни. – В нем более ста пятидесяти тысяч человек. Но это в основном жители заводских районов – стандартных кварталов. Вы их видели, когда с аэродрома ехали. И шанхайчиков, где обитают бичи, бомжи, прочая подобная публика.

– А еще зона, – сказал Борис.

– К сожалению, на заводах мало интеллигенции, – сказал Бруни. – Большей частью это люди случайные. Они не укореняются здесь. Да и не хотят. Город невыгодный. Коэффициентов нет, климат паршивый, вонь, скучно, холодно. Стараются уехать.

– Нет, ты не прав, есть хорошие ребята. На биокомбинате политический клуб организовали, – сказала Наташа.

Шубина начало клонить в сон. Тепло, душно, перед глазами прыгает Микки Маус. Обычные милые, несчастные люди, которые хотят что-то сделать, но сделать не могут. А завтра их разгонит милиция. И поделом, не вставай на пути сильных мира сего…

На самом деле Шубин так не думал. Он как бы проиграл чужую, не свою роль, за неимением своей… Он уедет, они останутся.

– А что, становится хуже? – спросил Шубин, потому что от него ждали вопроса.

– Разумеется. Все процессы такого рода необратимы. Если их не пресечь, они дают лавинообразный эффект, – сказал Бруни.

– Николай Николаевич работает в пединституте, – сказала Наташа. – Он биолог.

– Вы читали про Черновцы? – спросил Бруни. – у нас тоже были случаи выпадения волос. Родители напуганы.

– И что же?

– Наши медики считают, что таких случаев нет. Все в пределах нормы.

– Еще кофе будете? – спросила Наташа.

– Нет, спасибо, – ответил Шубин. Он вспомнил, что в чемодане у него початая банка бразильскаго кофе. Вернется, выпьет.

– Положение ухудшается, – сказал Бруни. У него была манера осторожно пощипывать себя за конец бородки, будто пробуя ее на крепость. – Первый фактор, – продолжал Бруни, – введение в строй третьей очереди на комбинате. Они так спешили, что добились отсрочки ввода очистных сооружений до весны. А существующая система не справляется.

Бруни говорил ровно, тихо, Шубин подумал, что на его лекциях все спят. Особенно если это первая лекция, за окном еще полутемно, а в аудитории уютно и тепло. И все спят.

– Второй и важный фактор – стоки комбината и стоки химзавода перемешиваются в бывшем озере…

– Именно в бывшем. Лет десять назад в нем еще купались, – сказала Наташа. – Знаете, как оно называется? Прозрачное. Честное слово, это как издевательство.

Бруни терпеливо дождался, пока Наташа замолчит, и продолжал:

– Вряд ли вам, как неспециалисту, что-либо даст перечисление трех компонентов, которые, вступая между собой в возможную реакцию, дают кумулятивный эффект. Достаточно знать химию в объеме вуза, чтобы понять, насколько это может быть опасно. Представьте себе…

Бруни начал пальцем рисовать на столе направление стоков к озеру и называть химические соединения, которые определенным образом реагируют друг с другом. А Шубин представил себе, что он сидит на той самой утренней лекции, а Бруни стоит где-то далеко, на трибуне, и голос его долетает издалека. Все тише и тише…

Только бы никто из них не догадался, что он засыпает. К счастью, все слушали Бруни и не глядели на Шубина.

– Это может случиться сегодня, завтра, через неделю. Но случиться обязательно, – закончил лекцию Бруни.

– Но если вы считаете, что положение такое опасное, – сказал Шубин, просыпаясь, – почему вы не послали телеграмму, письмо…

– Есть указание: не выпускать порочащую информацию из города, – сказал Борис.

– Передайте письмо с проводником поезда.

– Письмо без убежденного человека – полдела.

– Так поезжайте в Москву.

– Нас никто слушать не будет.

– А кого будут?

– Вас, Юрий Сергеевич! – воскликнула Наташа.

– Но почему же?

– Вы известный журналист! У вас друзья в газетах, на телевидении! Вы обязаны нам помочь!

Шубину не хотелось спорить – в полутьме эти люди казались группой не совсем нормальных заговорщиков, которые обсуждают с приезжим эмиссаром взрыв городской думы. Чепуха какая-то…

– У вас получается, что городом правят изуверы, – сказал Шубин.

– Ни в коем случае, – сказала Наташа. – Они поставлены в такое положение обстоятельствами.

– Гронскому нужен план, – сказал парень в ватнике.

– Его в Москву зовут, главк дают в Москве. Ему надо уехать победителем, – добавил Борис.

Шубин кивнул. Возможно.

– У Силантьева шестидесятилетие, – сказала Наташа. – Он хочет получить орден.

– У других тоже всякие соображения, – сказал парень в ватнике. – Николаев с биокомбината, которого Боря на вашей лекции обидел, хочет спокойной жизни.

Правдоподобно, конечно, все это бывает – и ордена, и перевод в Москву. Но мои друзья склонны к преувеличениям, думал Шубин. у нас в стране нет пока общественных движений или даже клубов по интересам. Все немедленно приобретает элемент религиозной секты. Секта сыроедов, секта водопитов, секта любителей собирать малину. Вокруг меня очередная маленькая секта – они объединены противостоянием «машине», по-своему отлаженной и сплоченной. Чем острее противостояние, тем слаще терзаться мученичеством. Конечно же – это раньше христианские мученики! И если завтра их выкинут на съедение дружинникам, они пойдут на смерть с определенной гордостью.

– Не думайте, что мы преувеличиваем, – сказал Бруни.

– Я не думаю.

– По глазам видно, что думаете. Мы имеем дело не со злым умыслом,даже не с аппаратно-промышленным заговором, а с сетью побуждений, поступков и

интересов, которые в сумме угрожают нашему городу.

– Притом они сейчас страшно нервничают, – сказала Наташа. – Завтра должен состояться наш митинг. Придут люди. Надо разгонять.

– И тут приезжаете вы, – сказал парень в ватнике.

– Я совершенно ни при чем, – сказал Шубин.

– Мало ли что? У всех перепуганных людей развито воображение, – сказал Бруни. – А вдруг до Москвы что-то дошло? А вдруг вы получили тайное задание проверить, как здесь пахнет воздух. Черт вас знает.

– Спасибо. Но они ошиблись.

– Мы тоже думаем, что они ошиблись, – согласился Бруни, дергая бородку за хвостик.

– С первого взгляда видно, что перед тобой благополучный международник с телевизора, – сказал Борис.

– Что вам далось мое благополучие?

– Бедных всегда раздражает богатство, – сказал Борис. – Из-за этого было столько революций!

– А я думал, что не я – ваш главный враг.

– А я думаю, – повторил Борис начало шубинской фразы, – что живи вы здесь, то были с ними. Вообще, вы очень похожи на редактора нашей газеты.

– Мне уйти? – сказал Шубин.

Ему и в самом деле хотелось уйти.

– Не надо всерьез обижаться на Борю, – сказал Бруни. – Его несдержанность – его беда. В побуждениях он чист.

– В самом деле пора, – сказал Шубин.

Он встал. Остальные покорно поднялись, и в их молчании были укор и разочарование. Шубину стало неловко.

– Значит, вы хотите, чтобы я завтра пришел на митинг? – спросил он.

– Нет, это не главное, – обрадовалась Наташа. – Главное – чтобы вы взяли письмо в Москву и отдали его честному журналисту.

Они протолкались к выходу. Кафе было полно. Вокруг толпились подростки, одетые и причесанные с провинциальной потугой на телевизионную рок-моду. Все были заняты друг другом.

– А им и дела нет, – сказал вдруг парень в ватнике, словно угадав мысль Шубина.

Они остановились перед выходом из кафе. Неоновая надпись бросала красные блики на лица заговорщиков.

– Мы вас проводим до гостиницы, – предложил Бруни.

– Далеко?

– Нет, три квартала.

Они повернули направо. Шубин понимал, что одного его не отпустят. Ну что ж, потерпим их общество еще пять минут.

– Мы с вами расстанемся на углу, – сказал Бруни. – Может быть, за вами наблюдают. Вы возьмете письмо?

– Возьму.

– Его передаст вам Наташа, если вы зайдете в книжный магазин.

– Зачем такая конспирация? – улыбнулся Шубин.

– Вы знаете, наверное, – сказал Бруни, – на что способны испуганные люди, облеченные властью.

– На что же?

– Вас могут скомпрометировать. Это лучший способ избавиться от опасного свидетеля.

– Меня трудно скомпрометировать.

– Трудно? – ухмыльнулся парень в ватнике. – Вот, видишь, ребята идут? Устроят драку. Попадем в милицию, а потом доказывай, что ты не верблюд. Даже фельетон сообразят: «Общественники – хулиганы».

Шубина вдруг кольнул страх. Бывает – ничего не случилось, ничего и не должно случиться, а в сердце неожиданный сбой. Осознание того, что ты очень далек от дома, где твои права кто-то охраняет и можно в крайнем случае кому-то позвонить… А здесь свой мир, и им правят не эти ничтожные, хотя и отважные заговорщики, а уверенные в себе Силантьев и послушный ему Николайчик.

И Шубин стал присматриваться к двум ребятам, что, видно, шли к кафе, и дела им не было до кучки людей, двигавшихся навстречу. Они были в подпитии и чуть покачивались. Поравнявшись с ними, Шубин невольно шагнул в сторону, чтобы не задеть ближнего к нему парня. Парни прошли мимо, ничего не случилось, но гадкое чувство близкого страха осталось.

И тут Шубин услышал сзади голос:

– Сколько времени?

Шедший там, за спиной, Бруни ответил:

– Четверть десятого.

Шубин продолжал идти вперед, не оглядываясь, и следующие слова донеслись издали:

– Ты не уходи, папаша, не спеши, закурить найдется?

– Я не курю, – сказал Бруни.

– Он не курит? – послышался удивленный голос второго парня.

– Отстаньте! – это голос Наташи.

Тогда Шубин обернулся.

Один из ребят тащил за рукав Наташу, второй отталкивал Бруни.

Борис кинулся назад, а парень в ватнике остановил Шубина, который рванулся было на помощь.

Теперь страха не было. По крайней мере, их трое мужчин, даже если не считать Бруни и Наташу.

Второй пьяный отпустил Бруни и встретил Бориса ударом в лицо, которого тот не ожидал. Шубин видел, как голова Бориса дернулась, как он пошатнулся и протянул руку к стене дома, стараясь удержаться на ногах.

– Да погоди ты! – рявкнул Шубин, вырываясь у парня в ватнике и кидаясь на того, кто ударил Бориса. Он ударил его, но удар пришелся в плечо куртки и скользнул, а пьяный отклонился в сторону и успел бы ударить Шубина, но тут его перехватил парень в ватнике. Они сцепились и превратились в одного темного, толстого, качающегося и рычащего человека, а тот, что держал Наташу, отшвырнул ее в сторону. Наташа упала, и Шубин увидел в его руке нож. Может, даже не увидел – было почти совсем темно, но почувствовал, что у него в руке нож.

– Осторожнее! – крикнул Шубин. – Нож!

Где-то на периферии зрения Шубина замелькало синим, но он не мог обернуться – он смотрел на руку, в которой был нож.

Взвизгнула сирена.

– Милиция! – закричала Наташа.

Шубин видел, как она поднимается с мокрого снега, скользит и тянется на мостовую, поднимая руку, призывая на помощь.

И в этот момент неподвижности парень в ватнике крикнул в самое уха Шубина:

– Бегите! Там двор! Бегите!

Сирена приближалась. Один из пьяных, тот, что с ножом, начал отступать, но отступал он не спеша, один шаг, другой. И тут Шубин увидел, что он кинул нож, – тот рыбкой блеснул под далеким фонарем и упал у ног Бориса.

Парень в ватнике резко рванул Шубина к стене дома. Шубин упирался, но молчал. Парень был сильнее.

Шубин не понял, как получилось, что он уже стоял в арке, где было совсем темно. И парень в ватнике быстро шептал:

– Поверни направо и выйдешь к гостинице. И прямо в свой номер.

– Но мы ничего не делали.

– Беги, идиот! – прошипел парень в ватнике. – Разве не понимаешь: московский журналист участвует в пьяной драке…

Визжали тормоза. Засвистел милицейский свисток.

– Беги же!

И Шубин послушался. Он побежал в арку, по белому снегу между корявых кустов. Ударился о ствол дерева. Остановился, чтобы понять, куда бежать дальше, и взгляд его метнулся назад, к арке, подобной черной овальной раме для картины: в ней маленькая фигура парня в ватнике отбивалась от милиционера, не пуская его во двор.

И тогда до Шубина дошло, что это все охота, охота за ним, чистым, законопослушным, недавно вернувшимся из Аргентины корреспондентом газеты «Известия».

И он побежал прочь от арки.

Оказавшись шагов через сто в узком переулке, Шубин перешел на шаг, чтобы выглядеть человеком, который от нечего делать фланирует по улицам города, потому что именно таким образом обманывают погоню киногерои. Сзади послышались голоса – невнятные, но угрожающие. Улица была пуста, и спрятаться было негде. Напротив стоял одноэтажный дом за высоким деревянным забором. В заборе была дверь. Шубин скользнул внутрь и, прикрыв дверь, прижался к ней всем телом, глядя наружу через узкую щель между досок.

Из двора, который он только что миновал, выбежали два милиционера.

Они бежали тяжело, скользили, шинели путались в ногах. В переулке милиционеры остановились, с стали смотреть – сначала направо, потом налево.

Сейчас они посмотрят на забор и догадаются, понял Шубин. Он начал осторожно продвигаться в сторону от двери.

Сзади хлопнула входная дверь дома. Яркий прямоугольник света упал на снег и достиг ног Шубина. Шубин обернулся. На крыльце черным силуэтом на фоне желтого света стояла женщина. Она прикрывала глаза ладонью, вглядываясь в темноту.

– Это кто там? – спросила она.

А милиционеры слышат, понял Шубин. Они все слышат.

Он чуть было не сказал женщине: «Тише».

Но сдержался. Он неподвижно стоял животом к забору, повернув голову так, чтобы видеть дверь. На улице было тихо. Возможно, милиционеры подкрадываются к калитке.

Вдруг стало темно. Хлопнула дверь. То ли женщине стало холодно, то ли она решила, что шум ей померещился.

Шубин понял, что жутко вспотел. Пот катился по спине и животу. И лоб мокрый. Он провел рукой по лбу и понял, что потерял кепку, отличную английскую кепку. И где – не помнит.

Шубин расстроился. И сам удивился тому, что в такой момент может расстраиваться из-за кепки.

Он снова взглянул в щель. Улица была пуста.

Но это могло быть хитростью милиционеров. Он решил подождать. Он сосчитал до ста, потом принялся считать снова. Сначала до ста потом до пятисот. К третьей сотне он страшно замерз.

Ну черт с вами, сказал он себе с ожесточением, будто стараясь рассердиться. Он широким жестом распахнул калитку и вышел, медленно воображая разговор с милиционерами, что выскочат сейчас из-за угла большого дома. «Да, я гулял, я ничего не видел, а во двор зашел облегчиться. Простите, у меня слабый мочевой пузырь, а в вашем городе нет общественных туалетов».

Не прерывая этого внутреннего монолога, Шубин вышел на улицу и, мысленно представив план города, направился направо, в сторону вокзала.

Почему-то лицо мерзло. Он снова провел по нему, полагая, что это пот, но пальцам было липко. Бровь над правым глазом была рассечена. Шубин не мог вспомнить, когда это случилось – вроде бы его никто не бил… Он нагнулся, набрал пригоршню снега и приложил снежок к брови.

Шубин долго шел по плохо освещенным переулкам, почти никого не встречая. Город ложился рано, закрывался в своих ячейках у телевизоров.

Затем неожиданно, с непривычной стороны, вышел на вокзальную площадь и увидел гостиницу сбоку, отчего не сразу узнал ее.

Он словно оказался в другом городе – шумном, громыхающим поездами, шуршащем автобусами и машинами, что подъезжали к вокзалу, перекликающемся голосами.

Видно, пришел поезд – на остановках и у стоянки такси толпились люди.

Встретив удивленные взгляды респектабельно парочки, которая почему-то вышла на вокзальную площадь гулять с пуделем, он вспомнил, что все еще держит у брови снежок. Он отбросил его. Под фонарем было светло – снежок стал розовым.

Шум площади и ее обыденность отрезали кинематографический кошмар драки и бегства, и ему не хотелось думать, что все это было. Ничего не было – даже разговоров в кафе и у вонючей речки. Но как назло от вокзала волной пошел тяжелый ядовитый запах, от которого хотелось зажать нос и спрятаться за дверь, что Шубин и поспешил сделать, повернув к гостинице, кораблем плывшей над площадью, – почти все окна в ней светились нерушимостью цивилизации и горячего чая у дежурной по этажу.

Молодой человек с красной повязкой и такой предупредительный днем встал и преградил дорогу Шубину. Тот долго копался по карманам, разыскивая пропуск в гостиницу. Подвыпившие, модно одетые юноши оттолкнули его и принялись совать молодому человеку деньги, склоняясь близко и заговорщицки пришептывая.

Шубина совсем оттеснили, и он вдруг испугался, что останется ночевать на вокзале, в чем была доля черного юмора. И в этот момент его заметила Эля, которая сидела в холле и ждала его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kir-bulychev/smert-etazhom-nizhe

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити